

Елена МОРОЗОВА

В середине июня в деревне Сетки были проведены восстановительные работы в храме святителя Николая Чудотворца. Занимались этим участники проекта «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Но о проекте чуть позже, вначале – о Сетках и о храме.

Сетки, Большие и Малые, находятся на юго-западе Кашинского городского округа, на самой его окраине, там, где он граничит с Кимрским и Рамешковским районами. Красивейший лесной край: сосны, река Медведица, чистый вольный воздух.

Прежде, до революции, Сетки относились к Ивановской волости Бежецкого уезда. Когда в конце 20-х годов прошлого столетия уезды и губернии упразднили, а территории стали делить на области и районы, здешние деревни вошли в состав Кашинского района в то время Московской области.

Когда возникли Сетки как населённый пункт, установить сложно. Не всё ясно и с происхождением названия. С одной стороны, слово «сетки» – простое и всем понятное. Сеть, сет-

Судьбы русских сёл и деревень

Там, где сосны, где Медведица течёт

ка, сетевое – это плетёная сумка, орудие лова птицы, рыбы или зверя. С другой стороны, вслушайтесь, как звучат названия деревень и сёл, расположенных неподалеку: *Гостинеж, Нивищи, Ройга, Терботунь...* Так и чудится что-то древнее, стародавнее. И вдруг – какие-то простецкие *Сетки*.

Известно, что в глубокой древности в нашей местности обитали финно-угорские племена, затем рядом с ними стали селиться славяне. Земли вдоль реки Медведицы входили в состав Новгородских, по ней шла граница с Ростовско-Суздальским княжеством. Переплетение племён, народностей, говоров, обычаев отразилось в здешней топонимике.

Название *Сетки* указывает, возможно, на какое-то местное предание или историю, к сожалению, не сохранившиеся.

В прошлые наши приезды сюда мы слышали от здешних старожилов рассказы о том, что раньше тут было село и называлось оно *Ресины*, или *Рясинь*. Это название приводит и В.Х. Бардашов в своём сборнике исторических хроник «С берегов Медведицы», ссылаясь на воспоминания старейшей местной жительницы А.М. Ерусалимовой.

В тверских и кашинских говорах бытовали выражения «*рясно*», «*рясное место*» – то есть богатое, обильное, красное в значении красивое, приметное.

Схожие значения указаны и в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля: *ресный, рясный* – «крупный, частый, яркий, обильный».

То, что деревни и сёла на

звании – официальное и разговорное, народное, переименовываться – явление не такое уж редкое. (Вспомним, к примеру, наше кашинское Брюхово – Заречье).

Может быть, так было и в данном случае. Однако документального подтверждения этому не найдено.

В документах, датированных 1862 годом, селение названо *Старыми Сетками*, так же оно обозначено и на карте Менде.

Александр Иванович Менде (1798/1800 – 1868) российский генерал-лейтенант, картограф. Служил на Кавказе, затем в картографическом департаменте. Под наблюдением А.И. Менде были составлены топографические межевые атласы Тверской и ряда других губерний России.

Рядом со Старыми Сетками находились Новые – по современной, привычной нам терминологии Большие и Малые Сетки.

Старые, или Большие Сетки принадлежали помещику Николаю Дмитриевичу Загоскину.

Сам он на ту пору, то есть в 1862 году, «в оном селе жительства» не имел. Состав населения был таков: «военного ведомства: дворов 1, муж. 2, жен. 9. Мещане: дворов 1, муж. 3, жен. 2. Дворовых людей: дворов 2, муж. 5, жен. 11. Временно обязанных крестьян: дворов 14, муж. 56, жен. 65. Деревня Сухолом (в 2-х верстах), в ней: военного ведомства: дворов 1, муж. 2, жен. 5; временно обязанных крестьян: дворов 9, муж. 31, жен. 30. Итого: дворов 28, муж. 99, жен. 122. Препятствий в сообщении не имеется».

В Клировой ведомости церкви Св. Николая Чудотворца села Старые Сетки Бежецкого уезда за 1862 год сказано:

«1. Она церковь построена в 1842 году, тщанием и иждивением того села Помещика Г. Николая Дмитриевича Загоскина с присовокуплением кошелевой суммы».

2. Зданием деревянная с такою же колокольнею, крепка.

3. Престолов в ней два, один в настоящей во имя Святителя и Чудотворца Николая, холодный, другой в трапезе с южной стороны во имя Св. Мученицы Софии и трёх ея дочерей, тёплый.

4. Утварью и ризницей достаточна.

5. Причта положено по новому штату Священник один и дьячек один.

6. Земли при сей церкви отмежевано усадебной 3, пахотной и сенокосной, равно под болотами и просёлочными дорогами 35, а всего 38 десятин, на которой земле лесу никакого не имеется, и особого плана на оную не имеется же, а положение на владельческом плане, дела об ней не производится, а владеют ею священноцерковнослужители сами.

7. Дома у священноцерковнослужителей деревянные, собственные, построены на ровной земле.

8. На содержание священноцерковнослужителей получается от Господина Загоскина на законном основании шестьдесят семь копеек серебром и от добротного подаяния прихожан, от которых в течение сего 1862-го года полученных денежных доходов тридцать рублей серебром.

9. Зданий, принадлежащих

сей церкви, не имеется.

10. Разстоянием сия церковь от Консистории в 80, от Духовного Правления стоящего в уездном городе Бежецке в 50, от местного Благочинного в 30 верстах.

11. Ближайшие к сей церкви суть: Андреевская в 2-х, Терботунская в 5, Ивановская в 5 же верстах. (...)

15. Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатню даны, приходная 1860 а расходная 1823 годов, ведутся исправно и хранятся в целостности, остальное кошелевой суммы от сего 1862-го к 1863-му году на серебо 274 руб. 64 коп.

16. Копии метрических книг с 1780-го года хранятся в целостности.

17. Исповедные росписи с 1823 года имеются и хранятся в целостности же (...)

(Приводится с сохранением

стиля и грамматики оригинала, по материалам государственного архива Тверской области и энциклопедии «Тверская деревня»).

Надеюсь, читателей не утомила пространная цитата. Читать такие документы всегда интересно: в этой обстоятельности, в старинных словах и оборотах слышится само время, угадывается образ тогдашней жизни, такой же неспешной, основательной, несуетной. К тому же в приведённом отрывке содержится весьма ценные для нас сведения. Обратите внимание на даты: копии метрических книг – с 1780 года; исповедные росписи и расходная книга – с 1823 года. Это, пусть косвенно, указывает на солидный возраст села и на то, что церковь в нём, по всей вероятности, существовала и до 1842 года.

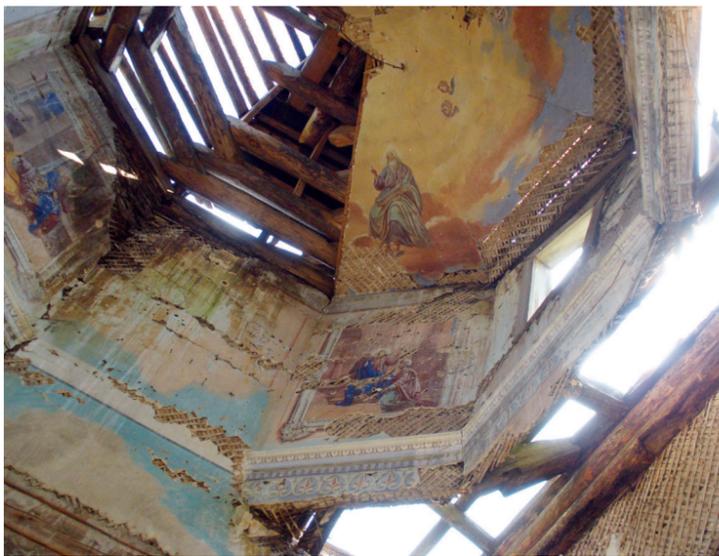
(Продолжение следует)

Елена МОРОЗОВА

(Продолжение. Начало в №27)

Владелец Старых Сеток Николай Дмитриевич Загоскин принадлежал к старинной дворянской фамилии, родоначальником которой считается татарин Шевкал Загоря, в крещении Александр Загоска, выехавший в 1472 году из Золотой Орды в Москву и получивший от Иоанна III вотчины в Новгородских землях. Потомки Александра Загоски служили стряпчими, стольниками, воеводами. Род Загоскиных внесён в Бархатную книгу, в родословные книги дворян Московской, Новгородской, Костромской, Смоленской, Тверской и ещё ряда губерний. Наиболее известные

Судьбы русских сёл и деревень

Там, где сосны, где Медведица течёт

представители этого рода – Фёдор Дмитриевич Загоскин, стольник патриарха Филарета, исследователь Арктики Лаврентий Алексеевич Загоскин, писатель Михаил Николаевич Загоскин, историк Николай Павлович Загоскин.

О титулярном советнике Николае Дмитриевиче Загоскине известно немного. Имение Сетки было, вероятно, небогатым. В его состав входила также деревня Сухолом, расположенная на склоне холма у реки Дрезны, притоке Медведицы.

В девятнадцатом столетии в Тверской губернии шло активное храмовое строительство: появлялись новые церкви и часовни, на месте деревянных возводились каменные. Загоскин оказался не чужд идей духовного просветительства.

В 1834 году в пяти верстах от Сеток, на Тереботунском погосте, завершилось строительство каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы. Старую же, деревянную, построенную ещё в XVIII веке, разобрали, а через несколько лет перевезли в Сетки и здесь выстроили заново.

То, что она была освящена во имя Николая Чудотворца, не случайно. Святой угодник Божий Николай издревле был на Руси в великом почёте, слыл за Николаю милостивого, покровителя земных вод и полей, защитника хлебопашцев. Православные обращались к нему за помощью при всякой беде и невзгоде, верили в силу его заступничества перед Господом. Загоскин, при крещении наречённый Николаем, также считал святого своим небесным покровителем.

Место для церкви было выбрано – лучше не подыскать! Поставленная на высоком косогоре над рекой Медведицей, она была видна отовсюду. Это сейчас берег зарос сосняком и кустарником, а раньше открывался широкий простор, далеко над рекой разносился колокольный звон. Люди приходили сюда на службы и к праздникам, просто помолиться. Всё им было привычно: в церкви венчались, крестили детей, отпевали родных и близких, как было заведено от века. И здешнее приволье, краса родной земли тоже были привычны, они этим жили.

Народ в этих краях был трудолюбивый, работающий и, как тогда говорили, переимчивый.

Были свои печники, плотники, корзинщики, штукатуры, пастухи, портные, разносчики и торговцы красным товаром – текстилем, тканями, мануфактурой. Гнали дёготь и смолу, «били» масло, изготавливали дранку, крыли ею крыши, ладили сани и телеги, разную деревянную утварь.

О церкви своей говорили горделиво: «Вот она у нас какая, топорами рубленая, без пил и гвоздей!»

Выглядела она так. На высоком деревянном четверике – восьмигранный световой барабан, над ними – куполообразная кровля, увенчанная главкой на декоративном барабанчике. С востока примыкала прямоугольная альтарная апсида, с запада – небольшая трапезная и трехъярусная колокольня, состоявшая из убывающих четвериков.

Здешние плотники, безвестные мастера-умельцы, искусно владели способами рубки «в чашу» – когда в нижнем бревне вырубалась плотная выемка в виде чаши, в которую под прямым углом укладывалось верхнее бревно, и «в лапу», «без остатка» – при этом торцы брёвен, соединяемых в углах, не выходили за наружную плоскость стен. Так что церковь у них получилась прочной, тёплой, ладной и изящной.

Внутри стены храма были украшены росписью на холсте.

Первого священника Никольской церкви звали Иоанн Павлович Лебедев, был он сыном пономаря, учился в Тверской семинарии и был «уволен по окончании курса Богословских наук с аттестатом третьего разряда, поведения хороше-

го. 1838-го года, Мая 1-го дня посвящён на настоящее место во Священника Преосвященным Неофитом, бывшим Епископом Старицким, Викарием Тверским, по определению Высокопреосвященнейшего Григория, бываго Архиепископа Тверского и Кашинского и Кавалера». 14 июня 1850 года «за старание о благолепии приходской своей церкви» ему была объявлена от Тверского епархиального начальства признательность, а 21 марта 1861 года «за весьма усердную и полезную службу и честное поведение» его наградили набедренником. У отца Иоанна была жена Евдокия Яковлевна и трое детей – Мария, Павел и Василий.

Дьячком служил Фёдор Андреевич Крестников, «дьяческий сын, по исключении из низшего отделения Тверской Семинарии со свидетельством успехов средних, поведения хорошего, 1842-го года, Мая 12-го дня указом Тверской Духовной Консistorии определён на настоящее место во дьячка, тогож года, Ноября 24-го дня посвящён в стихарь Высокопреосвященнейшим Григорием, бывшим Архиепископом Тверским и Кашинским и Кавалером».

У Фёдора Крестникова и его жены Анны Яковлевны родилось шестеро детей – Павел, Алексей, Арсений, Пётр, Александр, Агриппина.

От Загоскина Сетки перешли к купцам Ушаковым, а затем, как пишет в хрониках «С берегов Медведицы» В.Х. Бардашов, «погост Ст. Сетки... в 1881 г. продан трём крестьянам».

Лесной землей здешние жи-

тели пользовались сообща, лес рубили «сколько необходимо» на топливо и для ремонта построек. Церковные земли – 38 десятин, или, в переводе на современные меры площади, 41,4 гектара – сдавались крестьянам окрестных деревень под покосы и «приволье», то есть под выпас скота.

Жизнь текла самая что ни на есть обыкновенная, как и во множестве таких же русских сёл и деревень. Вели хозяйство, справляли праздники, растили детей. Здешние песчаные земли больших урожаев не давали, недостаток хлеба нередко ощущался уже к середине зимы, поэтому крестьяне уходили на отхожие промыслы в Москву, Петербург, Ярославль, Тверь; портные, шорники, плотники ходили по деревням Бежецкого, Кашинского, Кимрского и других уездов.

К концу XIX века в Старых Сетках насчитывалось 30 дворов, проживало 90 мужчин и 95 женщин, в Новых Сетках – 27 дворов, 91 мужчина, 98 женщин; в деревне Сухолом – 18 дворов, 56 мужчин, 59 женщин.

Для сравнения: в 2009 году в Больших и Малых Сетках местное население составляло 56 человек, в деревне Сухолом – 1 человек. Сегодня местных жителей во всей округе можно пересчитать по пальцам. Правда, ежегодно летом население увеличивается за счёт дачников. Утешает, что у кого-то из них всё-таки здешние корни.

Однако вернёмся к истории Сеток и Никольской церкви. Особой тяги к овладению грамотностью здешние крестьяне не проявляли, тем не менее дети ходили учиться в школу,

находящуюся на Козьмодемьяновском погосте, примерно в версте от Сеток.

В 1905 году в Сетках открылась своя церковно-приходская школа. Средства на её строительство дал Кузьма Алексеевич Крупенин. Он происходил из зажиточной семьи, получил в наследство от отца около двух десятин земли и более сорока десятин леса, содержал пасеку, сад и огород, в хозяйстве насчитывалось до двенадцати коров. В годы Первой мировой войны сражался на фронте, был награждён медалями за отвагу и героизм.

Кузьма Алексеевич женился на Вере Дмитриевне Красильниковой, служившей в Сетках учительницей. У них родился сын Валериан. Ему шёл десятый год, когда Вера Дмитриевна умерла. Не желая, чтобы сын рос сиротой, Кузьма Алексеевич вскоре взял в жёны её сестру, Елену Дмитриевну. Она была учительницей в той же школе.

После революции Кузьма Алексеевич по-прежнему вёл дела, связанные с лесом. Достаток в доме наживал своим трудом: ходил на заработки в Бежецк, нанимался штукатурить дома, квартиры. Когда началась коллективизация, его как зажиточного и состоятельного хозяина обложили сельхозналогом в 90 тогдашних рублей. Сумма оказалась для него непосильной. За неуплату налога его отдали под суд и приговорили выплатить штраф в десятикратном размере. Ему пришлось распродать всё хозяйство, однако расплатиться с долгом он так и не смог.

(Продолжение следует)

Елена МОРОЗОВА

(Окончание. Начало в №27-28)

Тридцатые годы XX века были временем острой классовой борьбы и антирелигиозной политики. Человек получал клеймо классового врага не за какие-то действия против новой власти, а просто потому, что принадлежал к дворянскому или купеческому сословию, к офицерству или духовенству, к зажиточным крестьянам. С «бывшими» и «чуждыми» не церемонились. Большевицкая идеология «утверждалась» репрессиями. Не миновали их и Сетки.

Кузьму Алексеевича Крупнина раскулачили и сослали на Урал, семью выселили из дома.

погост – сельское кладбище. Но когда в церкви открыли Народный дом, а проще говоря – клуб, в чью-то ретивую голову пришло, что рядом с «провозвестником новой культуры» кладбища быть не должно, и его ... ликвидировали. Срыли. Остались лишь несколько старых плит, постепенно вставших в землю.

Спустя много лет была предпринята попытка их поднять, и на одной обозначилась надпись: «Здесь покоится Алексий Егорович Крупнинъ Сконч. 1905 г. 5 сентября 65 летъ».

Старожилы, которых журналы и краеведы спрашивали о том, как закрывали церковь, вспоминали, что люди, называвшие себя «активом

что в жестком и многострадальном двадцатом веке выпадало на долю деревень, затерявшихся в русской глубинке.

В начале 30-х годов здесь создали сельхозартель, она владела мельницей, построенной на Медведице. Вскоре артель преобразовали в колхоз, присоединили к нему соседние деревни и назвали «имени Ленина». Передовым он не был, но земли обрабатывались и засеивались, люди собирали урожай, выращивали скот.

Сильно подкосила их война: в Гостинеже получили 7 похоронок, в Сухоломе – 11, в Нивицах – 19, в Сетках – 45.

Да и после войны жилось голодно и бедно. Электричество сюда провели лишь в конце

Судьбы русских сёл и деревень

Там, где сосны, где Медведица течёт

Правда, освободили его досрочно, за ударную работу на лесозаготовках, и даже выдали справку о политической благонадёжности. О его злоключениях стало известно Михаилу Ивановичу Калинин. «Всесоюзный староста» старался поддерживать земляков, он и Кузьме Алексеевичу предложил пост директора совхоза в Подмосковье. Тот «вежливо отказался».

...В 1994 году К.А. Крупнин был посмертно (умер он в 1941 году) реабилитирован.

Елена Дмитриевна прожила большую жизнь, до пенсии продолжала учить детей; скончалась в 1971 году. Валериян Кузьмич также стал учителем, сельской учительницей была и его жена Антонина Васильевна.

Трагично складывались не только людские судьбы. Никольская церковь в Сетках действовала до 1932 года. Затем её закрыли и превратили в Народный дом. Последнего здешнего священника звали Василий Матвеевич Орлов. Что с ним случилось после того, как его лишили места, за давностью лет никто уже не помнит.

Как издавна водилось на Руси, при церкви существовал

союза безбожников», выносили из храма иконы, утварь, церковные принадлежности: «Куда-то увозили, а куда – народу не докладывали».

Большие резные фигуры вынесли и поставили в лесу. Народ боялся туда ходить.

Росписи на стенах пытались закрасить или замазать, однако до тех, что вверху, под самым куполом, не добрались. Так и ставили концерты, устраивали танцы и постановки: внизу пионеры выступают, а сверху смотрят лики, написанные безвестными иконописцами, приглашёнными, должно быть, ещё Николаем Дмитриевичем Загоскиным...

Народный дом просуществовал недолго, помещение приспособили под школу, а в войну устроили в нём зернохранилище. Поговаривали, что в церкви прятались дезертиры. Одного из них поймали, прозвище у него было Саша Церковный, ему дали 25 лет.

Какое-то время помещение церкви использовали для различных хозяйственных нужд, а потом и вовсе забросили, и оно постепенно ветшало, разрушалось.

Сетки испытали на себе всё,

40-х годов. Не хватало рабочих рук, техники, удобрений, а без этого со скудных здешних земель колхозникам немного удавалось выработать на трудодень. После укрупнения хозяйств колхоз имени Ленина, реорганизовав в отделение Сетки, присоединили к совхозу «Красноборский». До Славкова, где находилась центральная усадьба, расстояние немалое, дороги отвратительные, связь и того хуже. Это теперь у всех мобильники, а тогдашние стационарные телефоны то и дело выходили из строя, дозвониться было целой проблемой.

«Красноборский» и без Сеток еле-еле концы с концами сводил. Тогда их решили передать совхозу «Верхнетроицкий», почитав, что это экономически целесообразнее.

Славково далеко, да и Верхняя Троица неблизко. Надо крюк делать: либо «посуху», по донелье разбитым, не знавшим асфальта дорогам, через Славково на Поповку, а потом уж в Верхнюю Троицу. Либо через Медведицу переправляться, ехать по Кимрскому району... Мучение, и только.

Добротный железобетонный мост на реке у Сеток построили лишь в 80-е годы, а нормальную дорогу к нему проложили и вовсе в самом конце XX века. Не удивительно, что к тому времени вся округа опустела и обезлюдела. Про церковь никто и не вспоминал.

– До нас-то никому дела не было, что уж о храме говорить! – с горечью рассказывали старики. – Да и не больно-то люди осмеливались по тем временам такие разговоры заводить, можно было и поплатиться... В общем, всё мы растеряли...

Была здесь школа, одно время, с 1947 по 1970 год, даже средняя; было сельскохозяйственное производство, работали почта, медпункт, магазин... Всё это – в невозвратном прошлом, и течёт здесь теперь иная жизнь.

На захиревшие и заброшенные Сетки, Большие и Малые, отнюдь не похожи. Сыграло свою роль, что живописный этот край облюбовали дачники. У некоторых ещё сохранились здешние корни. Нельзя сказать, что судьба разрушающейся деревянной церкви их вовсе не волновала. Но у дачников всё-таки летом главная забота – отдохнуть на природе от суеты большого города, в

Медведице покататься, позарогать, ягодо-грибов насобирать. А чтобы восстановлением церкви заниматься, силы посерьёзнее нужны...

К счастью, о храме Николая Чудотворца несколько лет назад узнали энтузиасты проекта «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Одна из экспедиций приехала сюда в прошлом году: были проведены противоаварийные работы – установлены строительные леса, частично перекрыта кровля.

Летом этого года работы продолжились. Узнав о приезде очередной экспедиции, мы отправились в Сетки. Дорога сюда, по сравнению с другими сельскими «трассами», вполне приличная, так что добрались мы довольно быстро.

Стоял солнечный и жаркий июньский день. Такие места, как здесь, называют звукоёмкими. Где-то, почти рядом, за заросшими соснами, слышались голоса, перестук топопов. По дороге навстречу нам шли женщины в светлых платьях и косынках, с ними мальчик в красной рубашечке. Мы спросили у них, как проехать к храму.

– Ой, а мы сами туда идём! – обрадовались они. – Только мы пойдем берегом, а вам лучше поверху ехать, через деревню. Увидите: там дорожка, она вас сама к храму приведёт.

Так и произошло. В прошлые наши приезды скособочившееся, без окон и дверей, строение производило удручающее впечатление умирающей развалины. Обезглавленная колокольня, сгнившие и выломанные доски и балки, куски штукатурки, свисавшие с купола и стен, осыпающиеся остатки росписи... Теперь обстановка другая. Хотя и много ещё нужно сделать, однако ощущение безысходности больше нет.

Руководитель экспедиции Николай Витальевич Сахоненко рассказывает:

– Наша задача заключается в том, чтобы уберечь храм от дальнейшего разрушения. О реконструкции и реставрации речи пока нет. Мы занимаемся консервацией, и дело продвигается. Доставлены строительные материалы. Продолжились работы по перекрытию крыши над основным объёмом храма, установлена кровля над алтарём.

– Расскажите, пожалуйста, о проекте «Общее Дело». Давно ли он существует? Как вы узнали о Сетках?

– Началось всё в 2006 году: в поморском селе Ворзогоры 75-летний Александр Порфирьевич Слепичин на свои средства начал перекрывать крышу колокольни. Ему стали помогать другие бескорыстные люди. Так возник проект, объединяющий всех, кто стремится сохранить древние святыни православия и памятники деревянного зодчества. Ни одна страна в мире не обладает таким богатством и разнообразием деревянной архитектуры, как Россия. До сих пор на Русском Севере можно встретить уникальные храмы и часовни, построенные несколько веков назад. О Сетках мы узнали случайно, и хотя это не совсем Север, нас поразила красота храма и самого места. Стало ясно, что нельзя дать ей исчезнуть. Нашлись добровольцы, и вот мы работаем. После небольшого перерыва в августе приедем снова.

– Проект объединяет энтузиастов и добровольцев, значит, к нему могут присоединиться и кашинцы?

– Совершенно верно. Координационный центр находится в Москве, при храме предподобного Серафима Саровского в Раеве. Ежегодно в экспедиции отправляются жители Москвы, Твери, Архангельска, Петербурга, Вологды, других городов, обследуют храмы, часовни, расчищают в них завалы, убирают мусор, проводят работы по консервации. Будет замечательно, если кашинцы к нам присоединятся и после отъезда волонтеров продолжат заботиться о возрождении своих святынь.

Вечером того же дня в Сетках произошло событие, которого давно они ждали. Перед храмом был отслужен молебен. По завершении его протоиерей о. Димитрий Кунченко, обращаясь к участникам экспедиции и жителям, сказал:

– Красота храмов на Руси создавалась не только мастерством зодчих, она состояла в вере и искренности прихожан. Этой веры и искренности я желаю вам, чтобы не оскудевали ваши силы и чтобы, Божией помощью возрождая наши храмы, каждый стремился возродить себя, свою душу.

